

Екатерина Савинцева:
**«Война кончается
не сразу»**

Издано:

Независимым Издательством

Аннотация

Аннотация здесь

Посвящается моим бабушкам и дедушкам.

ISBN–13:978-1-4466-7726-1

УДК: 1751

Об авторе

Об авторе здесь

Оглавление

<i>Тамбов</i>	5
<i>Воронеж</i>	48
<i>Острогожск</i>	70
<i>Контакты Автора:</i>	122

Тамбов

1.

– Райка! Ра-ай-ка-а! – кричала нараспев босая молодая баба. Она уверенно направлялась на окраину деревни, перекачиваясь всем телом с одной ноги на другую. По дороге женщина сорвала упругую ветку ивы и сделала из неё прутик. В конце улицы шумели ребята. Они носились по лугу, прячась между стогами свежего сена. Косили этим летом. Мужиков в деревне почти не осталось, и покосом занимались бабы, не отлучаясь далеко от дома.

Здесь бегала вся деревенская ребятня. Малыши копошились в цветастых зарослях, разглядывая кузнечиков и муравьёв. Дети постарше сидели особняком и лужгали ещё незрелые семечки из огромного каравая подсолнуха. Руки и губы у них были иссиня-чёрные, и они не столько ели, сколько смеялись друг над другом.

Основная часть ребят играла в салки. Среди них, громко крича и шустро передвигая ножками, была Райка. Девочке зимой исполнилось семь. За лето она здорово вытянулась и ничем не отличалась от ребят постарше. Она была очень худенькой, но необыкновенно ловкой и быстрой. Догнать Райку не мог никто. От этого она вошла в раж и, задорно хохоча, влетела на верх стога.

Бабу с прутиком звали Дарьей. Она приходилась Райке тёткой, потому как была родной сестрой её отца. Сам он ушёл воевать ещё в июне, и вестей от него не было совсем. На Первомай, накануне войны, у Райки родилась сестра. Молодой матери было непросто прокормить одной двух детей, и в помощники взять некого. Поплакала Проскофья пару дней по супругу и засобиралась к своим. Дорога неблизкая, километров триста. Хотела обеих взять, да родичи мужа отговорили. Тяжело с двумя-то в дороге будет. Поживёшь, устроишься и за Райкой приедешь. Оставила она старшую дочь на лето и с тяжёлым сердцем уехала. Кто ж знал, что немец расползётся по стране, как масляное пятно. Не вернулась Проскофья за дочерью прошлой осенью. И отец писем не присылал. Так и пролетел год.

Райка жила своими детскими заботами в семье тётки. Где-то далеко шла война, папка бил врага. Мамка растила сестрёнку. И вот-вот всё должно закончиться, и начнётся оно, настоящее счастье. Кроме неё у Шамариных было ещё пятеро. Дети рождались один за другим подряд. Сам Шамарин на фронт не поехал. Лет десять назад покалечил

ногу на колхозных работах. Мужик он был рукастый и непьющий, по дому брался за любую работу, а в поле – не воин. Осиротела деревня без мужчин, одни старики да несколько калек. Вот и он сгодился. Дарье было спокойно за ним. Детям она не давала спуска никому. Бранилась много, но никогда не била, да и хворостина больше была нужна для устрашения.

Райку она заметила сразу. Девчонка прыгала на верхушке стога, как вдруг исчезла. Провалилась внутрь. Вот чудо! Такого не должно быть!

Ребята гудят пчёлами вокруг стога, а она сидит внутри, и чудно ей всё. Было светло и шумно, а стало неожиданно тихо и темно. Свет пробивается сквозь сухие травинки, и шелестит сено, заглушая детский гам. Сидит Райка внутри и не дышит: какую ещё бы проказу сотворить! Хотела было в сторону ход прокопать, да не то, и сено колется больно. Посмотрела вверх. Там небо голубым блюдечком над ней висит. Слышит, как кто-то уже взбирается на стог. Показалась по краю окошка смешная голова Сеньки. Необычно на него снизу смотреть.

– Ты чего притихла там? – спрашивает её Сенька.

– Ничего, – рассеянно Райка отвечает.

– Я знаешь что думаю, почему я сюда провалилась?

– Я не знаю, – замотал волосами мальчуган, – ты руки дай, я тебя вытяну.

– Да я и сама вылезу. Я ведь недалеко провалилась. – Она опёрлась на что-то твёрдое и добавила: – Провалилась неглубоко, а подо мной как земля.

Сенька удивлённо таращит на неё глаза.

– Мож, там схрон какой, – зашептал он, – партизанский?

Райка прыснула.

– Скажешь тоже, – она наклонилась вниз и достала ладошками до тверди, на которой стояла. Под пальчиками зашуршала грубая ткань. Девочка ткнула в неё, твердь поддалась мелкими камушками. Райка перебирала нечто непонятное ладошкой, пока не проткнула пальцем ткань. В руку посыпались мелкие зёрнышки. Райка подняла руку и увидела пшеницу.

– Хлеб! – закричала она. – Здесь хлеб!

Словно по команде всюду зашуршало сено. Стог заходил ходуном. Вмиг разнесли его дети, только услышали слово «хлеб». Эхом отдалось оно по всему лугу. И слетелись на него мошками и

взрослые, и дети. И Дарья позабросила свой прут. И подростки уронили свои полупустые подсолнухи. Даже малыши, как лягушата, скакали вокруг.

Сено таяло кругом Райки. И вот уже показались три мешка, на которых сидела девочка посреди разбросанного стога.

– Ай да Райка! – кричали мальчишки. – Ай да везучая!

Девочку распирало от гордости, хлеба-то с зимы не ели! Муки нет. Никто не пашет, не сеет, не собирает, не мелет. Где-то в далёких тёплых землях идут бои, и там не до хлеба. Говорят, ближе к Уралу пекут ещё, но всё для фронта. А тамбовские голодные сидят как волки.

– А вдруг ещё где есть? – Ватага ребят кинулась к остальным двум стогам. Разворошили мигом всё. Напрасно. Счастливым оказался один. Райкин.

Уже прибежали и другие бабы с деревни. Стали зерно делить. Посчитали по ртам.

Гордая возвращалась Райка домой! Добытчица! Сама себе пропитание обеспечила. Не сердилась на неё Дарья. Только тихонечко письмо от матери припрятала. После ужина покажу, решила тётка, может, не так расстроится.

Хорош был ужин нынче! Картошка со свежим хлебом. Райке самый большой ломоть достался.

Смотрит на детей Дарья и слёзы вытирает. Сердилась на Проскофью, да простила. В чём её вина? Война добралась и до них. К Уралу поехали Райкины родственники. Оставили её на попечение Дарьи. Не виновата и Райка, что лишним ртом оказалась в большой семье в голодное время. Нет вины на её родителях, что ещё ребёночка родили. Всё война виновата проклятая! Отняла у детей детство, у родителей – материнство, у мужиков – жизнь трудовую.

Думала эти мысли горькие Дарья и жевала медленно свежий хлебушек. Становилось ей на душе тепло, словно лучики солнышка проникли в неё и озарили богатства, покрытые ветошью. Запретила себе Дарья радоваться, а сердце всё равно взяло своё.

2.

Весна нынче никак не хотела вступать в свои права. Солнце днём беззаботно светило, топило снег, и на пригорках в проталинах даже показалась зелёная беззащитная щетина. Везде лежали смурные сугробы. Нахоженные тропки между ними блестели стеклянным настом. Местами ноги проваливались сквозь него по колено в рыхлый снег. Всюду пели птицы, взмывая с чёрных скелетов ещё не проснувшихся деревьев в голубую высоту.

А ночью снова вьюжило и сыпало с неба то мелкой мукой, то большими хлопьями. Так и враждовали две сестры, не желая уступить друг другу.

Дарья достала из кладовой последний мешок подсолнечных семечек и снарядила Райку отвезти их в соседнюю деревню на маслобойку. Дорога ей была известна. Пару месяцев назад они вдвоём с тёткой возили мешок побольше. Поклажу уложили на санки, привязали верёвкой. Треть семян было велено отдать хозяйке маслобойки, из остального отжать масло. К весне жарить на нём было уже почти нечего. Доедали мелкую сморщенную картошку. Рядом с ней в подполье лежала крупная, отобранная для посадки, но брать её было запрещено. Заливали маслом квашеную капусту, засыпая сверху зелёным луком, проросшим на подоконнике. Меняли масло и на муку.

Дни стали длиннее и теплее, и Дарья решила, что племянницу можно отправить одну.

– Нигде не останавливайся. Рот не разевай, – давала она напутствия девочке. Пару часов туда. Пару обратно. Там передохнёт, пока масло жать будут. Чужих здесь нет, все свои, обидеть девочку не должны.

Сначала шлось весело и хорошо. Санки быстро скользили по подтаявшему снегу. Солнце озорно припекало. Стало даже жарко, и Райка расстегнула две верхние пуговицы фуфайки и развязала платок.

Вот исчезла позади за холмами родная деревня. Потянулось унылое пустое поле. Ледяной границей блеснула впереди река. Бабы ходили зимой по ней, срезая большой крюк. И Райка смело направилась туда знакомой дорогой. Навстречу ей показалась взрослая фигура. Солнце светило путнику в спину, и девочка не могла узнать человека. С тревогой она крепче взялась за верёвочку. Вдруг отберут!

Но вскоре Райка разглядела знакомое лицо тётки Лиды. Та тащила в санках хворост.

– К реке идёшь? – спросила женщина. Райка закивала головой. – Не ходи. Скоро ледоход будет. Опасно.

– А как же мне перейти? – растерялся ребёнок. Они с тёткой ходили только этой дорогой.

– А ты вдоль берега ступай, – указывала ей Лидия. – Там река поворачивает, а ты прямо на дома иди. Их там уже увидишь.

– А не заблужусь? – засомневалась девчушка.

– Да нет, – замахала руками тётка Лида, – вдоль реки тропинка. Я там всегда хворост набираю.

Райка грустно посмотрела на реку. Лёд ярко блестел на солнце. Старой дороги на нём не было, всё растаяло. Выдержит – не выдержит, рисковать не стала, послушала совета женщины.

Тропинка была хорошая, широкая, протоптанная. К тому же от ветра защищал высокий склон у берега. Разморённая девочка шла медленно. Груз стал казаться очень тяжёлым. Она несколько раз останавливалась и приседала на санки для отдыха.

Птицы шумели в прибрежных зарослях. Стало совсем повесенному, тепло и радостно. Вдруг тропинка оборвалась. Русло реки уходило резко в сторону. Впереди действительно чернели крыши. До деревни было совсем недалеко, всего-то луг пересечь. Но в поле зимой никто не ходил. Снег ровным ковром лежал от реки до домов. Потащила Райка санки по заснеженной равнине, утопая по колено. Намучилась она. Вроде и идти немного, а дома всё не приближаются. Солнце поднялось совсем высоко, жарит вовсю, сил нет. Снег слепит. Доплелась девочка до первого стога и присела отдохнуть в тени. Облокотилась на сено и прикрыла глаза на минуту. Тихо вокруг в поле, даже ветер не гуляет. Шелестит сухая трава под ухом. Искрится снег под весенним солнцем. Жарко Райке, хорошо. Ноги, руки уставшие расслабила и уснула крепким сном. Казалось ей, что только глаза прикрыла, а вновь открыла – вроде, и полегче стало, сил прибавилось. Отправилась путница дальше со своим мешком.

Добрела она до знакомого дома. Бабка Зина вывалилась из хаты во двор.

– Ох, как ты поздно! – устала она руки свои в толстые бока.

– А сколько время-то? – забеспокоилась девочка.

– Да уж ближе к трём. Сколько сейчас? – закричала бабка Зина кому-то в дом. Там, видимо, подтвердили её слова.

Райка растерянно начала лепетать про реку, понимая, что, скорее всего, долго проспала у стога.

– Ладно, ладно! Что с тобой поделаешь?! – Бабка взялась за мешок. – А мал-то как! Последние? – Девочка закивала головой. – Что поделать, – проскрипела женщина, пересыпая себе часть семян, – жрать-то что-то надо! Ох, что же будет, – уже тише причитала она, – война второй год идёт. Скоро начнём траву с одуванчиками есть. – Она покосилась на Райку. – Сама, поди, голодная? Пойди в дом. Шурка! – крикнула она снова куда-то вглубь, – накорми её чем-нибудь, а то до дома не дотянет.

Райка вошла в хату. Здесь было тепло и вкусно пахло опарой. Девочка присела у входа на табурет, сняла платок и расстегнула до конца фуфайку.

Шуркой оказалась взрослая, худая как жердь девушка. Она измерила взглядом гостью и молча поставила перед ней большую кружку кипятка, подкрашенного шиповником, и горячий пирожок. Райка жадно набросилась на угощенье. Пирожок оказался с кислой капустой. Вскоре внутри у неё потеплело, и она задремала, сидя на табуретке.

Когда она проснулась, обнаружила, что кто-то заботливо снял с неё фуфайку и подложил платок под голову.

– Проснулась? – На неё смотрела другая девушка. Она была ниже ростом, чем Шурка, и от этого казалась складнее и мягче. – Какая ты маленькая совсем! Сколько тебе?

– Восемь, – сонно ответила Райка.

– Я провожу тебя, – девушка поправила ей платок и незаметно засунула за пазуху ещё один пирожок. У крыльца стояли санки с ведёрком, сверху повязанные чистой тряпкой.

Девушка довела Райку до края деревни, но не до того, через который она пришла сегодня, а к старой дороге, где они ходили с тёткой раньше.

– Ты больше не плутай, – напутствовала девушка, – иди тропинкой меж стогов до реки, а там ты уже знаешь.

Она вдруг обняла девочку и крепко прижала к себе. Райке показалось, что она вот-вот заплачет, но девушка быстро отвернулась и ушла.

Уже вечерело, хотя ещё было очень светло и хорошо. Райка двинулась в обратный путь, осторожно таща за собой санки с маслом. Небо стало низким. Набежали огромные облака. Птицы притихли. И